

Виловатых Анна Вячеславовна*, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Трансформация облика военных конфликтов будущего¹

Сочетание гегемонистских устремлений отдельных государств с растущим осознанием невозможности достичь глобального доминирования с опорой на экономическую мощь и военную силу привело их военно-политическое руководство к переосмыслению форм и способов ведения стратегического противоборства. Ещё в 2005 г. экс-министр обороны Соединённых Штатов Джеймс Мэттис и американский военный теоретик Фрэнк Хоффман в работе "Будущая война: восхождение гибридной войны" спрогнозировали нарастающую угрозу такого рода конфликтов и обозначили необходимость для США системной подготовки к противостоянию с вероятным противником².

Сегодня эксперты горячо дискутируют об изменении соотношения вклада военных и невоенных способов противоборства в общий политический результат войны. По некоторым оценкам, оно составляет 1 : 4 в пользу невоенных способов³. Соответственно, действенным инструментом достижения или удержания военного превосходства над противником считается "размывание" границ военных конфликтов, т.е. использование гибридного подхода к ведению противоборства. Это обстоятельство является одним из важных факторов формирования новой политической реальности как в России, так и в мире в целом и, видимо, в течение грядущих десятилетий будет определять технологии борьбы за переустройство мира.

С учётом сказанного весьма актуальным выглядит опубликование российским военным учёным А. А. Бартошем монографии "Туман гибридной войны. Неопределённости и риски конфликтов XXI века". Данный труд содержит синтезированные за многие годы научных исследований и практического опыта нахождения на государственной службе размышления о трансформации облика военных конфликтов будущего. Авторский взгляд базируется на изучении объёмного массива официальных документов зарубежных государств (прежде всего США и стран, входящих в Европейский союз) и экспертных оценок западных специалистов.

---

* VilkaVulkan@yandex.ru

¹ Рецензия на книгу: *Бартош А.А.* Туман гибридной войны : Неопределённости и риски конфликтов XXI века. М. : Горячая линия – Телеком, 2019. 324 с.

² Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare // U.S. Naval Institute – USNI. 2005. November. URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).

³ См., напр.: *Fleming B.P.* Fort Leavenworth, KS: U.S. Army School of Advanced Military Studies (SAMS) // U.S. Army Command & General Staff College. 2011.

А.А. Бартош подробно останавливается на факторах, способствующих трансформации современной войны как социально-политического явления. К таковым он относит:

1) сохранение роли ядерного оружия как средства сдерживания и обеспечения стратегической и политической стабильности;

2) склонность стран, обладающих ядерным оружием, к задействованию различных видов насилия за счёт применения технологий не прямых, невоенных действий;

3) появление международных террористических организаций, прибегающих для реализации своих политических целей к "неклассическим" способам насилия и торговле наркотиками для самофинансирования;

4) порождённую глобализацией зависимость национальных экономик от складывающейся ситуации в мировой экономике;

5) широкое и тщательно синхронизируемое использование гибридных информационных, экономических угроз, войны в киберпространстве;

6) формирование новых возможностей влияния с привлечением технологий искусственного интеллекта, усиление противостояния в космосе и киберпространстве⁴.

Безусловно, перечень, предложенный А. А. Бартошем, можно совершенствовать, но следует согласиться, что упомянутые факторы на деле сыграли и продолжают играть существенную роль в изменении социально-политической составляющей войны. В этом с учёным солидарны как отечественные, так и западные исследователи, которые придерживаются позиции, согласно которой в перспективе границы между состоянием войны и мира станут всё более размытыми⁵.

Например, в докладе британского Минобороны "Глобальные стратегические тренды: будущее начинается сегодня", опубликованном в конце 2018 г., констатируется, что в среднесрочной перспективе использование дезинформации и пропаганды в средствах массовой информации и социальных сетях станет главной особенностью ведения гибридных войн. Такие методы противоборства будут, по оценкам английских экспертов, всё более активно применяться государствами и их коалициями (в том числе прокси-силами), а также негосударственными акторами (частными военными компаниями, террористическими группировками и пр.), чему поспособствуют отсутствие физических границ в информационно-коммуникационном пространстве и недостаточная международно-правовая регламентация протекающих там процессов⁶.

Вместе с тем важно отметить, что приращение к весу современных военных конфликтов свойств гибридности лишь частично затрагивает основное содержание войны (состояние вооружённой борьбы) как фактора, оказывающего решающее влияние на развитие и исход межгосударственного противостояния (не только в военной сфере), и является

⁴ Бартош А.А. Туман гибридной войны... С. 35.

⁵ См., напр.: Marton P. Evolution in military affairs in the battlespace of Syria and Iraq // Corvinus Journal of International Affairs. 2018. Vol. 2. Issue 2–3. P. 30–41.

⁶ Global Strategic Trends: The Future Starts Today // Ministry of Defence. 2018. October, 2. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-strategic-trends> (дата обращения: 30.09.2019).

целеполагающим при решении актуальных вопросов обеспечения обороны страны. При этом фактор вооружённой борьбы продолжает играть ключевую роль при выработке стратегий национальной безопасности и других концептуальных документов ведущих государств, регламентирующих процессы военного строительства и прочие военно-политические процессы как в мирное, так и в военное время⁷.

Концептуально обоснованным выглядит предлагаемое А. А. Бартошем определение гибридной войны. По мнению автора, под *гибридной войной следует понимать координированное использование страной-агрессором многочисленных видов (инструментов) насилия, нацеленных на уязвимые места страны-мишени с охватом всего спектра социальных функций для достижения синергетического эффекта и подчинения противника своей воле*⁸.

Следует заметить, что неподготовленного читателя может несколько сбить с толку то обстоятельство, что российский учёный даёт собственную, вполне ёмкую трактовку рассматриваемого феномена без анализа определений, фигурирующих в западном политологическом дискурсе. Это выглядит весьма важным шагом ввиду того, что первоначально концепции гибридных войн, как справедливо указывает в своей монографии А. А. Бартош, разрабатываются именно в государствах Запада. В данном контексте представляется целесообразным уточнить, что зарубежные военные специалисты нередко вкладывают в понятие гибридной войны более широкий смысл.

В частности, по мнению аналитиков из Нидерландского института международных отношений "Клингендаль", гибридной войной считается конфликт не только одним государством в адрес другого (по А. А. Бартошу), но и между политическими акторами (странами, их коалициями, региональными организациями, террористическими и экстремистскими группировками и пр.), который его участники стремятся удержать ниже порога открытого вооружённого конфликта при интегрированном применении инструментов и форм противоборства, используемых в рамках единой стратегии, охватывающей дипломатию, военное дело, экономическое и информационно-психологическое воздействие на противника посредством современных технологий⁹.

Встречается и другая трактовка феномена гибридной войны – как военного конфликта, сочетающего регулярные ("симметричные") боевые действия с элементами асимметричных войн. Например, американский военный теоретик Дж. Маккуен определяет гибридную войну как "комбинацию симметричной и асимметричной войн"¹⁰. Однако в данном случае А. А. Бартош, вероятно, заметил бы, что в рамках этого

⁷ Ермаков С.М. Фактор военной силы в современной стратегии Вашингтона // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 80–97.

⁸ Бартош А.А. Указ. соч. С. 9.

⁹ Цит. по: Disinformation, "fake news" and the EU's response // EPRS. 2019. April. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614584/EPRS_ATA%282017%29614584_EN.pdf (дата обращения: 13.01.2020).

¹⁰ McQueen J.J. Hybrid wars // Military Review. 2008. March – April. Vol. 88. No. 2. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-1458719761/hybrid-wars> (дата обращения: 13.01.2020).

подхода все войны могут рассматриваться в качестве потенциально гибридных.

Другой американский исследователь – Ф. Хоффман – предлагает уточнение: в гибридных войнах асимметричная компонента имеет решающее оперативное значение на поле боя, в отличие от обычных войн, где роль асимметричных игроков (например, партизан) состоит в отвлечении сил противника на поддержание безопасности вдали от театра военных действий¹¹. Но при таком исследовательском ракурсе из анализа выпадает ведение противоборствующей стороной гибридной войны в мирное (если ориентироваться на нормы и принципы международного гуманитарного права) время.

Следует сказать, что при всех расхождениях существующих трактовок как автор рецензируемой монографии, так и зарубежные военные аналитики едины во мнении, согласно которому суть гибридизации военных конфликтов заключается в задействовании регулярных и иррегулярных силовых элементов при доминировании последних с конечной целью подрыва власти легитимного правительства какого-либо государства¹². Обороняющаяся сторона при прогнозировании угроз не в состоянии точно определить их содержание или тяжесть наносимого ущерба. В результате планирование действий и необходимых ресурсов для парирования гибридных угроз связано с рядом неопределённостей. Создание подобных неопределённостей, как отмечает А. А. Бартош, является важным свойством гибридных угроз, применение которых основывается на способности противников – государств и негосударственных субъектов мировой политики – сочетать различные стратегии, технологии и возможности для получения асимметричных преимуществ¹³.

С учётом присутствующих в академической и экспертной среде трудностей в научном осмыслении категории "гибридная война", несомненно подтверждает авторский взгляд на рассматриваемую проблему то, что А. А. Бартош осуществил комплексный анализ этой проблемы и пришёл к формулированию особенностей ведения современного гибридного противоборства. К ним он причислил:

– основное измерение гибридной войны – это скрытная подрывная деятельность, которая используется против объекта агрессии в качестве главного средства с целью подорвать способность противника к сопротивлению и навязать ему свою волю;

– ведущие мотивы подрывной деятельности – социокультурные проблемы: религиозный фактор, национализм и этническая самоидентификация;

– всеобъемлющий характер конфликта, в котором применяются силовые и несиловые средства воздействия с упором на информационно-психологические технологии, отражаемые в моделях "управляемого хаоса";

¹¹ Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare.

¹² См.: Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare // Ministry of Defence. 2017. September, 28. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/countering-hybrid-warfare-project-understanding-hybrid-warfare> (дата обращения: 20.12.2019).

¹³ Бартош А.А. Указ. соч. С. 52–58.

- война построена на стратегии измора, что придаёт конфликту затяжной, перманентный характер;
- к гибридной войне неприменимы нормы международного права, определяющие понятие "агрессия", в такой войне не существует понятий "фронт" и "тыл", она не объявляется и ведётся на всей территории страны, в космосе и киберпространстве¹⁴.

Большое внимание автор уделяет особенностям функционирования НАТО. Он отмечает, что в качестве гибридных в данном военно-политическом союзе определяют угрозы, главной характеристикой которых является адаптивное использование потенциальным противником традиционных и нетрадиционных средств достижения поставленных целей при камуфлировании своей причастности к происходящим событиям. Соответственно, в само понятие "гибридные операции" западные эксперты вкладывают негативный смысл, формируемый на основе предположения о безнравственном, противозаконном или вероломном замысле действий. Примечательно, что политическая элита государств – членов Организации исходит из того, что термин "гибридная операция" не может быть применён к тем или иным шагам Североатлантического альянса. В то же время практически любые активные действия России характеризуются натовской стороной с позиции термина "гибридные операции", и учёный прямо указывает на это в своей монографии¹⁵.

Следует выразить поддержку позиции А. А. Бартоша в том, что политическая воля и наличие объединённых ресурсов США и НАТО позволяют данным политическим акторам в рамках стратегии, направленной на глобальное доминирование, последовательно осуществлять подрывные операции в ходе ведущейся против РФ информационной войны. Как свидетельствуют стратегические документы альянса и его практическая деятельность, коалиционный подход по противодействию усилению влияния России и дискредитации её возможностей в области невоенного противоборства в мировом информационно-коммуникационном пространстве реализуется именно на базе Организации Североатлантического договора, члены которой заблаговременно наращивают собственный потенциал для ведения противоборства в глобальной информационно-коммуникационной сети. Кроме того, у специалистов не вызывает сомнений, что за так называемой стратегией сдерживания, выстраиваемой государствами трансатлантического сообщества на восточном "фланге", скрывается стремление к проведению альянсом политики "активной обороны", имеющей выраженное наступательное измерение, в том числе за счёт использования гибридных методов¹⁶.

А. А. Бартош детально анализирует сеть центров передового опыта по обобщению данных о гибридных угрозах и тактиках противоборствующих сторон, созданных в военно-политическом союзе. К таковым он относит:

¹⁴ Бартош А.А. Указ. соч. С. 77–126.

¹⁵ Там же. С. 202–287.

¹⁶ Кучинская М.Е. Феномен гибридации современных конфликтов: Отечественный и западный военно-политический дискурс // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51). С. 122–143.

- Центр передового опыта НАТО в Латвии (Рига) в области стратегической коммуникации, который занимается вопросами информационной войны;
- Центр киберопераций при штабе Объединённых вооружённых сил НАТО в Бельгии (Монс) вовлечён в разработку теории и практики действий в киберсреде;
- совместно с Центром киберопераций функционирует Центр передового опыта НАТО по киберобороне в Эстонии (Таллин);
- Центр по противодействию гибридным угрозам в Финляндии (Хельсинки);
- Центр передового опыта НАТО по противодействию терроризму в Турции (Анкара)¹⁷.

Российский исследователь отмечает, что большое значение в Североатлантическом союзе придаётся сотрудничеству с ЕС. Например, Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам, официальное открытие которого состоялось в начале октября 2017 г. в Хельсинки (Финляндия), взаимодействует с тремя натовскими центрами передового опыта в столицах Прибалтийских республик и недавно созданным Центром военного планирования и управления зарубежными небоевыми миссиями Евросоюза (Брюссель). Особенность Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам состоит в том, что он является первой подобного рода объединённой структурой НАТО и Евросоюза, призванной синхронизировать усилия этих политических акторов. Его создание, отмечает автор, должно способствовать переводу в практическую плоскость положений Совместной декларации о сотрудничестве ЕС и НАТО¹⁸.

Сегодня, в условиях набирающей силу трансформации постбиполярной системы международных отношений, англосаксонские страны взяли курс на создание соответствующего их видению нового миропорядка, проявляя в том числе активность в практической отработке вопросов гибридного противостояния. С точки зрения аналитиков Пентагона, наиболее эффективно такое противоборство можно вести в ходе предвоенной стадии конфликта, не прибегая к инструментам, которые задействуются на этапах средней и высокой интенсивности противостояния (*sub-threshold conflict*). Усиливать неопределённость могут именно технологии гибридной войны, которые призваны заставить противника воздерживаться от эскалации напряжённости до уровня, требующего международной реакции, в частности вмешательства ООН на основании резолюции "Об агрессии" от 1974 г.¹⁹ На этом тезисе заостряет своё внимание А. А. Бартош²⁰.

Примечательно, что в своих рассуждениях российский учёный весьма близко подходит к проработке данных вопросов англосаксонскими специалистами. Например, в докладе "Противостояние гибридным

¹⁷ Бартош А.А. Указ. соч. С. 290–291.

¹⁸ Там же. С. 289–296.

¹⁹ См.: Dubik J.M., Vincent N. America's Global Competitions: The Gray Zone in Context // Institute for the Study of War. 2018. February. URL: http://iswresearch.blogspot.com/sites/default/files/The%20Gray%20Zone_Dubik_2018.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

²⁰ Бартош А.А. Указ. соч. С. 139–150.

угрозам в „серой зоне“” одного из разработчиков терминологии гибридных войн американского военного эксперта Джона Чемберса даётся определение "серой зоны" и приводятся возможные способы противостояния локализованным в них известным и потенциальным угрозам²¹. Как и в монографии А. А. Бартоша, "серую зону" Дж. Чемберс рассматривает не в качестве типа конфликта, а как его театр, а именно как среду скрытого противостояния государственных и негосударственных образований, существующего на грани международного вооружённого конфликта, но не переходящего данную грань.

В монографии подробно раскрывается то, что гибридные угрозы направлены на незащищённые или слабозащищённые элементы политической, экономической, информационной и иной инфраструктуры государства, а также его военной организации и вынуждают военно-политическое руководство конкретной страны в случае кризиса идти на серьёзные уступки, а в случае войны или вооружённого конфликта предопределяют высокую вероятность поражения этой страны. С учётом факторов уязвимости выбор государства-мишени гибридной агрессии, по мнению автора рецензируемого научного труда, обусловлен совокупностью следующих стратегических детерминант:

- проведение руководством страны независимой внешней политики, направленной на безусловную защиту суверенитета и национальных интересов, противостояние попыткам формирования однополярного мира;
- наличие на территории государства ценных природных ресурсов;
- расположение страны на маршрутах поставки энергетических ресурсов и важных транспортных коммуникаций;
- стратегическое положение страны как удобного плацдарма для агрессии против её соседей;
- факторы нестабильности внутривнутриполитической ситуации, связанные с противостоянием властных элит, коррупцией, социально-экономическими, этническими, религиозными противоречиями, демографическими и некоторыми другими проблемами и пр.²²

Несомненно важным выглядит примечание А. А. Бартоша относительно того, что перечисленные детерминанты имеют сугубо общий характер и при анализе стратегии гибридного вооружённого конфликта используются как системообразующие в гибридной войне, которая в своём практическом воплощении представляет собой синхронизированное задействование спектра гибридных угроз как инструментов воздействия на конкретные "болевы точки" отдельной страны. Изнурение жертвы предполагает широкий замысел действий, включающих привлечение воинских и иррегулярных формирований одновременно с проведением в рамках единого замысла и плана операций по хаотизации административно-политической, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой сферы, подрыва военной безопасности²³.

²¹ *Chambers J.* Countering Gray-Zone Hybrid Threats. An Analysis of Russia's "New Generation Warfare" and Implications for the US Army // Modern War Institute at West Point. 2016. October, 18. URL: <https://mwi.usma.edu/wp-content/uploads/2016/10/Countering-Gray-Zone-Hybrid-Threats.pdf> (дата обращения: 10.11.2018).

²² Бартош А.А. Указ. соч. С. 150–179.

²³ Там же. С. 127–133.

Именно такой беспрецедентный синтез, как представляется, довольно точно отражает ключевое отличие гибридных войн от традиционных конфликтов, накладывает новую жёсткую матрицу на формулирование смыслов гибридной войны, а угрожающая актуальность такого конфликта и соответствие его основных измерений современной политической действительности превращает гибридную войну в политическую реальность и форму протекания межгосударственного противоборства.

В своей работе А. А. Бартош приходит к выводу о том, что противостояние гибридным угрозам на национальном и международном уровнях предполагает целесообразность разработки и системной реализации комплекса взаимосвязанных различных по форме и содержанию (гибридных) политических, дипломатических, военных, экономических, информационно-психологических и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств)²⁴. При этом сочетание угроз, рисков и неопределённостей, причём в совершенно разных аспектах обеспечения безопасности страны, формирует серьёзные вызовы социально-политической и экономической стабильности, а влияние факторов неопределённости превращает задачу оценки угроз в своеобразный синтез искусства и науки с преобладанием качественных оценок над количественными²⁵. Вследствие этого международные и национальные оценки гибридных угроз должны разрабатываться с участием не только политологов, но и юристов, экономистов, военных, культурологов, регионоведов и др.

В целом, как нам видится, опубликованный А. А. Бартошем научный труд весьма актуален. Автор монографии "Туман гибридной войны. Неопределённости и риски конфликтов XXI века", безусловно, прав в том, что в условиях форсированной цифровизации социально-политической жизни усиливается тенденция перехода войны к стратегиям непрямых асимметричных действий, основанных на комбинации силовых средств с несиловыми – политическими, экономическими и информационно-психологическими инструментами воздействия на противника для реализации задач, которые прежде решались преимущественно военными методами. Постепенно происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции, и результатом этого становится уклонение от физического овладения территорией и от прямого боевого столкновения.

В этом смысле относительная новизна феномена гибридной войны заключается в способности политических акторов синхронно и одновременно использовать комплекс рукотворных гибридных угроз против уязвимостей государства-жертвы на всей его территории с учётом нелинейного характера гибридной войны и с привлечением современных технологий информационно-психологического воздействия. Научный анализ феномена гибридной войны как скрытого и не имеющего определённого статуса конфликта, обладающего сложной внутренней структурой, протекающего в виде интегрированного противостояния, осложнённого тем

²⁴ Бартош А.А. Указ. соч. С. 307–313.

²⁵ См. подробнее: Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 335 с.

обстоятельством, что его более широкое развитие в практике противоборства происходит в условиях форсированной трансформации миропорядка²⁶. При этом можно согласиться с учёными, отмечающими, что обострение межгосударственной борьбы и, соответственно, появление новых – гибридных – форм противоборства во многом обусловлены разворачивающейся сегодня технологической революцией, которая протекает во взаимосвязи с научно-техническим и социальным прогрессом²⁷.

Важным представляется выразить поддержку А. А. Бартошу в его выводе о том, что в обозримом будущем операции информационно-психологического воздействия с использованием цифровых технологий будут естественным инструментом военно-политического руководства западных государств в борьбе за доминирование на мировой арене, признаки этого налицо²⁸. Нарастающая актуальность гибридной войны делает такой вид межгосударственного геополитического противостояния одной из наиболее острых угроз для национальной безопасности России.

Резюмируя, отметим, что задействование всего комплекса гибридных угроз в качестве инструмента внешнего давления с целью создать социально-политическую турбулентность представляет собой мощный подрывной фактор не только для нашей страны, но и для всей системы стратегической стабильности. При этом важно учитывать, что в условиях грядущего обострения геополитической конкуренции участники мировой политики будут, видимо, ещё более активно прибегать к гибридному подходу ведения противоборства с привлечением преимуществ киберпространства, цифрового и виртуального измерений. Кроме того, прогрессирующая роботизация войны обусловит, скорее всего, и широкое применение технологий искусственного интеллекта в ходе гибридных войн, которые ввиду их комплексного мимикрирующего характера не охвачены международным правом.

Ключевые слова: *военный конфликт – гибридизация – информационное противоборство – технологии – цифровизация – трансформация миропорядка – безопасность государства.*

Keywords: *military conflict – hybridization – information warfare – technologies – digitalization – world order transformation – security of the state.*

²⁶ См. подробнее: *Виловатых А.В.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание в условиях новой политической реальности // Свободная мысль. 2019. № 6. URL: <http://svom.info/entry/983-informacionno-psihologicheskoe-vozdfejstvie-na-mass/> (дата обращения: 12.01.2019).

²⁷ См. подробнее: *Миловидов В.Д.* Инновации, устойчивый рост и энергетика: Возможен ли цивилизационный рывок? // Форсайт. 2019. Т. 13. № 1. С. 62–68.

²⁸ *Виловатых А.В.* Некоторые аспекты политики США в области совершенствования национальной системы информационного противоборства // Информационные войны. 2019. № 4 (52). С. 33–37.